

На правах рукописи

КУНГУРЦЕВА Надежда Александровна

**ТИПОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ
Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА (1875–1882 гг.)**

Специальность 10.01.01. – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2009

Работа выполнена на кафедре русской литературы ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Научный руководитель доктор филологических наук,
профессор Созина Елена Константиновна

Официальные оппоненты доктор филологических наук,
доцент Соболева Лариса Степановна

кандидат филологических наук, доцент
Миночкина Любовь Игнатьевна

Ведущая организация ГОУ ВПО «Тюменский государственный
университет»

Защита состоится « » декабря 2009 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «__» ноября 2009 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка обладает территориальной определённой, оно тесно связано с регионом, представителем которого осознал себя автор. По мнению И. А. Дергачёва, в произведениях писателя «...слово “Урал”, “уральский”, кроме значения географо-ландшафтного, несёт в себе мысль и об истории, и о социально-экономических особенностях региона»¹. В связи с этим изучение раннего творчества писателя представляет безусловный исследовательский интерес, так как именно в этот период в рассказах и очерках начинающего автора впервые «открывалась российскому читателю ещё малоосвоенная духовно, ещё малоизвестная земля – Урал»².

Довольно долго уральский край выступал как часть Сибири, лишь ближе к началу XX в. его начали воспринимать как особую территорию, имеющую свою историю, культуру, свой неповторимый облик. Безусловно, это связано с «промышленной колонизацией» Урала: необходимость в мощной металлургии подтолкнула к массовому заселению региона, строительству городов-заводов, а отсюда – с появлением особого «горнозаводского» населения и культуры. В первые десятилетия XX в. это уже не «сибирская украина», а вполне самостоятельная «горнозаводская цивилизация»³. «Из сугубо географического образа “Урал” в массовом восприятии превращается в геокультурный феномен. Суровая природа могучих Уральских гор, богатство земных недр выступают в значительной степени в “переработанном”, претворенном виде, как освоенные человеком в ходе его промышленного строительства...

¹ Дергачёв И. А. Пейзаж Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Модификации художественных форм в литературном процессе : Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник. Свердловск, 1989. С. 53.

² Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. I, Екатеринбург, 2002. С. 896.

³ Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. Вып. 1. Свердловск, 1927. С. 35.

В качестве “края заводов” Урал оказывается прочно вписан в общее социально-экономическое пространство Российской империи»⁴.

Именно в преддверии этого времени публикуются первые рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка – писателя, с которого началось понимание особого положения уральского региона как «горного гнезда», самобытности его населения, духовной и материальной жизни. И. А. Дергачёв, чрезвычайно много сделавший в плане изучения личности и творчества уральского художника, писал о «раннем» Мамине: «Рассказы Мамина-Сибиряка начала 80-х годов охватывают широкий круг жизненных явлений своеобразного края России, каким был Урал, с развитой промышленностью, во многом сложившимися буржуазными отношениями, с сильнейшими остатками крепостничества, пропитавшими все поры новых порядков»⁵. В период первых литературных проб Мамина формируется основополагающая особенность его литературной манеры – обязательная соотнесённость событий и действий произведения с географическим пространством Урала, а в более позднем творчестве – с пространством всей России.

Между тем, раннее творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка изучено крайне мало. Лишь отдельные критики и исследователи (Е. А. Боголюбов, А. И. Груздев, позднее И. А. Дергачёв) так или иначе обращались к его произведениям 1875–1882 гг. Е. А. Боголюбов собрал воспоминания, переписку писателя, официальную семинарскую документацию и подробно обрисовал жизнь Мамина-семинариста и Мамина-студента⁶. А. И. Груздев дополнил и расширил представления о начале литературной работы писателя, дал общую характеристику его жизни первого петербургского периода, уточнил некоторые детали биографии⁷. Огромной заслугой в сохранении наследия

⁴ Мурзина И. Я., Мурзин А. Э. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры : в 2 частях. Ч. 1. Екатеринбург, 2006. С. 39.

⁵ Дергачёв И. А. Мамин-Сибиряк и народники 1870-х годов // И. А. Дергачёв. Книги и судьбы. Свердловск, 1973. С. 80.

⁶ Боголюбов Е. А. Певец Урала. Свердловск, 1949; Боголюбов Е. А. Мамин-Сибиряк // История русской литературы : в 10 т. Т. 9. Ч. 2. М., 1956.

⁷ Груздев А. И. Д. Н. Мамин-Сибиряк : Критико-биографический очерк. М., 1958.

уральского писателя является исследовательская работа Е. А. Боголюбова по идентификации произведений писателя 1875–1877 гг. Им определена принадлежность ряда рассказов этого периода перу начинающего писателя: «Старцы», «Старик», «В горах», «Не задалось», «Русалки», «Тайны зелёного леса». Тем не менее, в оценке как раннего, так и позднего творчества Мамина, критиков интересовало главным образом то, насколько близок был Мамин-Сибиряк народным массам, а также «влияние передовых традиций классической русской литературы, влияние идей демократии 60-х годов, острая социальная и литературная борьба его эпохи»⁸.

И. А. Дергачёв изучал ранние произведения Мамина, но считал их крайне незрелыми. В современном литературоведении интерес к раннему творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка возрос в связи с выходом в 2002 г. первого тома Полного собрания сочинений в 20 томах под редакцией Г. К. Щенникова. В данном издании осуществляется попытка объединить все рукописные и печатные материалы писателя, включая незавершённые и неопубликованные ранее. Во вступительной статье к первому тому Г. К. Щенников впервые в истории изучения Мамина даёт целостный анализ произведений раннего периода творчества писателя. В частности, он определяет жанровую природу произведений 1875–1877 гг.: по мнению исследователя, многие рассказы и роман «В водовороте страстей» тяготеют к романтическому детективу⁹. Полемизируя с этим определением и отрицая романтическую основу ранних маминских произведений, Л. М. Слобожанинова заслугой начинающего Мамина считает его стремление раскрыть Урал и особенности его природы, обозначить чисто уральские типы дьячков, священников, служащих и заводских обывателей; передать особенности бурлацкого труда; осветить драматичную судьбу женщины¹⁰.

⁸ Боголюбов Е. А. Мамин-Сибиряк // История русской литературы : в 10 т. Т. 9. Ч. 2. М., 1956. С. 270.

⁹ См.: Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. I. Екатеринбург, 2002. С. 885.

¹⁰ Слобожанинова Л. М. Мамин «безымянный» // Урал. 2005. № 10. С. 249–252.

Таким образом, проблема исследования ранних произведений Мамина-Сибиряка как основы его последующего, более известного и более изученного творчества очевидно назрела, и первоочередной видится нам задача рассмотрения особенностей пространственной организации этих произведений. Именно в специфике воссоздаваемого пространства художественного мира произведений наиболее ярко и зримо отражается тема Урала, «певцом» и воплостителем которого стал Мамин-Сибиряк.

Теоретической и методологической основой диссертации являются исследования учёных по теории художественного пространства: М. М. Бахтина, В. Н. Топорова, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, С. Ю. Неклюдова, Б. А. Успенского, И. Р. Гальперина, а также работы ряда философов, обращавшихся к проблеме пространства: П. А. Флоренского, Г. Башляра, В. Подороги, Х. Ортеги-и-Гассета, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти. Методология исследования основана на сочетании историко-литературного и структурно-функционального подходов, также принимаются во внимание научные труды по семиотике пространства в литературе (исследования Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова). В своей работе мы учитываем геокультурные и геопозитические аспекты изучения литературы, в том числе и региональной, нашедшие отражение в трудах Д. Н. Замятина, В. В. Абашева, М. П. Никулиной и др.

Исходным в изучении категории пространства в художественном произведении является для нас определение хронотопа, данное М. М. Бахтиным. М. М. Бахтин говорил не только о взаимосвязи времени и пространства, но и об образе этой взаимосвязи как преимущественной точке зрения для изображения сцен, как способе философских и социальных обобщений всех элементов художественного произведения, а также о хронотопе как структурном законе жанра. Выделяя хронотопы места (провинциального города, порога, площади и т. д.) и наделяя их символическим значением, ученый, так сказать, «освободил» пространство от времени, дав начало изучению типов, видов, образов и самой специфики пространства в художественном

произведении. Принципиальное значение в этом плане имеют исследования Д. С. Лихачева (пространственно-временной континуум как «внутренний мир художественного произведения»), В. Н. Топорова (о связи пространства с вещественным наполнением), Ю. М. Лотмана и всей тартусско-московской литературоведческой школы. Хотя начало семиотической науке об организации пространства положил еще П. А. Флоренский в трудах «Обратная перспектива» и «Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях».

Своеобразным продолжением и развитием исследований семиотики пространства выступает сегодня геопоэтика. Наиболее ярким выразителем этого современного аспекта изучения литературы является пермский ученый В. В. Абашев. По его мнению, в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка начинают формироваться геопоэтические образы Урала, которые «в будущем сфокусируются в образах Б. Пастернака и П. Бажова», и центральным здесь является так называемый «теллурический код»¹¹. Собственно геопоэтический взгляд на пространство Урала мы находим и в работе М. П. Никулиной «Камень. Пещера. Гора»: «Уральский способ жить существует, и определяет его именно отношение к земле: признание её всеопределяющего главенства и одновременно осознание себя как бы её частью, что делает невозможным отторжение от земли и разлучение с нею»¹².

Д. Н. Замятин, автор нескольких монографий¹³, составитель пяти альманхов под общим названием «Гуманитарная география», оперируя понятиями «культурный ландшафт», «географический образ», «пространственная идентичность», «локальная мифология», исследует пространство с позиции гуманитарной, или культурной географии, объектом которой является изучение

¹¹ Абашев В. В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность : Сб. статей. Екатеринбург, 2006. С. 17–30.

¹² Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург, 2002. С. 119.

¹³ См.: Замятин Д. Н. Метагеография : Пространство образов и образы пространства. М., 2004; Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003; Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.

способов и систем представлений, интерпретации и репрезентации географического пространства.

Методику данного исследования определяет изучение преимущественно пространственного мира ранних произведений Мамина-Сибиряка в контексте целостного творчества писателя. Понимая неотрывность категории пространства от его воплощенности в конкретном времени произведения, по мере необходимости мы обращаемся и к художественному времени в раннем творчестве писателя. Пространственный мир произведений Мамина рассматривается в нескольких аспектах:

- 1) конкретное пространство произведения, в единстве с временным измерением образующее его внутренний мир, выражением которого становятся пространственные образы и их оппозиции – топологическая структура внутреннего мира;
- 2) определенные «типы» пространства, свойственные именно Уралу, о котором писал Д. Н. Мамин-Сибиряк, и складывающиеся из более частных пространственных образов;
- 3) более объемное понимание пространства Урала как особого географического, природного и социального пространства – своеобразного историко-культурного ландшафта.

Объектом нашего исследования являются произведения, входящие в первый том полного собрания сочинений 2002 г. под редакцией Г. К. Щенникова, в сопоставлении с более зрелыми произведениями Д. Н. Мамина-Сибиряка – очерком «Бойцы» (1883), романами «Приваловские миллионы» (1883) и «Горное гнездо» (1884). Рассказы и очерки 1881–1882 гг. рассматриваются в диссертации в контексте русской литературной традиции середины XIX в., приемником которой явился начинающий писатель. Условно мы делим раннее творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка на два отрезка: с 1875 по 1877 г. (так называемый период «безымянного» творчества) и с 1881 по 1882 г. («новое» вхождение писателя в литературу). В критике закрепились

их обозначение как периодов «первого» и, соответственно, «второго» дебютов Мамина. Каждый этап характеризуется своеобразием в подходе автора к изображению уральской действительности.

Предметом данного исследования является художественное пространство в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: его типы, образы, его специфика в контексте произведений других русских художников второй половины XIX века.

Научная новизна работы. Для творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка как своеобразного родоначальника геопоэтики Урала характерно не только изображение, но и художественное осмысление разнообразного по природно-географическим, социально-экономическим и культурным факторам пространства края. Исследование этой проблемы на материале его раннего творчества предлагается впервые, также как и изучение ранних произведений Мамина-Сибиряка в контексте его более позднего творчества. Впервые рассмотрены центральные пространственные образы (дома, скита, города, деревни, реки), пространственные оппозиции и типы пространства в произведениях начинающего писателя.

Цель данной работы – изучение специфики художественного пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и выделение центральных для его произведений этого периода типов и образов пространства. Поставленная цель предполагает решение ряда конкретных задач:

1) анализ пространственного мира в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка 1875–1882 гг., а именно:

– исследование специфики природного пространства Урала, воплощённого в произведениях начинающего писателя, в сопоставлении с более поздними произведениями;

– актуализация доминантных в художественном пространстве ранних произведений Мамина образов реки, дома, скита, города и деревни и их оппозиций в контексте русской прозы XIX века;

– анализ более крупных единиц пространственного мира Урала – его основных типов, выделяемых в раннем творчестве Мамина-Сибиряка с учетом их развития в последующем творчестве писателя;

2) выявление в раннем творчестве писателя целостного геопоэтического образа Урала как особого региона, особой земли, связывающей Центральную Россию с ее восточными, сибирскими землями и рубежами.

Положения, выносимые на защиту:

1. 1875–1877 гг. в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка – период ученичества, характеризующийся активным использованием различных литературных традиций в создании «своего» образа Урала, что позволило молодому писателю стать узнаваемым для читателя, ввело начинающего автора в литературу. На данном этапе творчества Мамин, активно используя литературные шаблоны и штампы, стремится выработать свой стиль в изображении уральской действительности.

2. Доминантными в пространстве Урала, представленного в произведениях Мамина периода «первого дебюта» как экзотический регион России, стали художественные образы природного и социокультурного пространства. Особое место в художественном мире раннего Д. Н. Мамина-Сибиряка занимают естественно-природные (уральские горы, леса, река) и социокультурные топосы (фабрика, рудник, раскольничий скит, дом уральского труженика), раскрывающие индивидуальный облик Урала. Частные образы (река, гора, дом, скит и т. п.) группируются в типы пространства, характерные именно для Урала (провинциальное пространство, Чусовая, Отчий дом, горнозаводской поселок).

3. В период с 1881 по 1882 г. повествование в произведениях Мамина-Сибиряка претерпевает эволюцию: писатель отказывается от романтических тенденций, тяготеет к социологическому исследованию жизни тружеников Урала, что находит отражение в организации пространства в его произведениях. Мамин концентрируется на изображении социально-экономических

процессов, определяющих жизнь людей в родном крае, но подчеркивает уникальность положения региона как «горного гнезда» с самобытным населением, с особым строем духовной и материальной жизни; с этим связана очерковость повествования, выражающая стремление автора к объективности в соответствии с традицией реализма русской литературы XIX века, взаимодействующей в тот период с натуралистическими тенденциями.

4. В произведениях периода раннего творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка воссоздаётся облик уральской земли как особого географического, природного и социально-экономического ландшафта, наделённого неповторимой индивидуальностью. Образ Урала в произведениях писателя вписывается в более глобальный и обширный образ Родины.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что материалы и результаты исследования могут быть использованы при подготовке вузовских спецкурсов по истории, культуре и литературе Урала, в школьном преподавании, а также при составлении литературных комментариев к произведениям Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Основные положения и результаты исследования **прошли апробацию** при их обсуждении на кафедре русской литературы Уральского государственного университета, были изложены в докладах на научных конференциях разного уровня: «Дергачёвские чтения. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 2004, 2006, 2008), «Литература Урала: история и современность» (Екатеринбург, 2006, 2007, 2008, 2009).

Содержание работы отражено в 8 публикациях, включая две в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка литературы, включающего 162 наименования.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается выбор темы, её актуальность, излагается история вопроса, характеризуются цели и задачи, определяется методология исследования, задаются основные направления в исследовании пространственных образов в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка, определяется научная новизна диссертации.

В первой главе «Образ уральской земли как особого географического, природного и социально-экономического пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка» на основе произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка 1875–1882 гг. исследуется облик уральской земли как уникального геокультурного пространства. Особое внимание уделяется рассмотрению эволюции писателя в изображении родного края: от использования способов романтической поэтики и фольклорных средств образности (зачастую на уровне литературных штампов) – к реалистическим картинам, воссоздающим неповторимый облик Урала.

Тема Урала обозначена Маминым уже в произведениях периода «безымянного» творчества (1875–1877 гг.), но оригинальным певцом родного уголка писатель становится постепенно: он ищет подходы к изображению края как таковому, а также его истории, традиций, жизненного уклада его обитателей. Урал для современного Мамину читателя был *terra incognita*, и писатель учитывал это незнание материала его произведений своими современниками. Его рецептивная установка проявляется в текстах неоднократно, она диктует в произведениях Мамина своего рода «репрезентационные» вступления, знакомящие читательскую аудиторию с неведомым краем.

Во многом именно Д. Н. Мамин-Сибиряк способствовал тому, что Урал в общественном сознании России начинает восприниматься не только как часть Сибири, не только как «кладовая недр» или поставщик металла, а как вполне самостоятельный край со своей уникальной, самобытной жизнью. Безусловно,

своеобразие Урала определялось и наличием огромных природных богатств, месторождениями железных и медных руд, золота, драгоценных камней, и интенсивным развитием промышленности, и положением региона в центре Евразии, сопряженным с его континентальной замкнутостью. Более чем неоднороден национальный, религиозный и социальный состав населения. Специфичным для региона было и наличие большого количества маргинальных элементов: беглые, разбойники, каторжники и бродяги (Урал во многом был дорогой из Сибири и в Сибирь).

Признанию важности Урала для России в XIX веке способствовало интенсивное строительство железных дорог (в том числе Транссибирской магистрали), разрушение обособленности этого края посредством расширения внешних связей, участие в процессе модернизации, переживаемой всей страной. В 1899 г. группа экспертов во главе с Д. И. Менделеевым обследовала Урал с целью определения перспектив подъема старейшего военно-промышленного района, имевшего важное геополитическое значение. Богатства края поразили русского ученого, который в своём отчёте писал: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом»¹⁵.

Уникальность Урала осознавал и вступающий в литературу Мамин-Сибиряк. В раннем творчестве писателя выделяется несколько природных зон, центральных для географии региона: пространство леса, горы, водное пространство. Названия его произведений вводят тему уральской природы в ее особом, специфическом для края аспекте: «В горах», «Русалки», «Тайны зелёного леса», «На Чусовой», «Омут». Исследование уральского ландшафта в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка позволяет раскрыть связь между природой и культурой людей (труд, быт, религия, народное сознание, искусство), а также проследить эволюцию автора в описании родного края. Не сразу Мамин находит свой стиль, специфический почерк письма для

¹⁵ Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 г. // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. 12. Л. ; М., 1949. С. 1078.

изображения уральского региона и его природных ландшафтов. В период «первого» дебюта писатель создаёт пейзажи, опираясь на фольклорные и общелитературные, в основном романтические традиции. Так, Г. К. Щенников отмечал, что в романе «В водовороте страстей» в полном соответствии с фольклорными установками «природа пытается повлиять на поведение героев»¹⁶. Основу эстетического идеала начинающего Д. Н. Мамина-Сибиряка составляет романтический синтез природного и человеческого. Уральская природа рисуется либо как мать, любящая и прекрасная («...хорошо ему сидеть в тени берёз, дружелюбно шепчутся над ним зелёные ветви, а там дальше в лесу глухо шумят высокие вершины сосен и елей, точно они разговаривают между собой».¹⁷ – I, 316–317), либо как стихия, равнодушная и жестокая («...злится и воет, словно голодный зверь, зимняя выюга». – I, 66). Романтическая традиция реализуется в антитезе: свободная безграничная природа – несвобода человека в обществе. Мамин стремится не только пояснить с помощью природных описаний психологическое состояние человека, но и ввести самого персонажа в пейзаж, раскрыть его гармонию или дисгармонию с окружающим ландшафтом, ярче высветить какие-либо качества личности. Природа представлена в аспекте человеческого видения и ощущения, не сама по себе – это характерное качество раннего письма Мамина, соотносящееся как с фольклорной, так и с романтической традицией. Впоследствии в творчестве писателя будет формироваться иной, более объективный стиль описания природы, независимый от человека, его состояний и чувств.

В период первых литературных проб формируются основные принципы построения пейзажа, нашедшие художественное воплощение в дальнейшем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Картины природы всегда величественны, объёмны, одухотворены, цельны: «верх» отождествляется с простором, представленным образами безграничного неба, вершинами Уральских гор; «низ» –

¹⁶ Щенников Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. I. Екатеринбург, 2002. С. 883.

¹⁷ Произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка цит. по: Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 2 т. Т. I. В нашем тексте указывается номер тома и страницы.

с теснотой, глушью и непроходимостью (горы, изрезанные реками, девственные леса). Автор описывает состояние природы в зависимости от времени года и суток, и представленная картина всегда панорамна: взглядом охвачено большое пространство, совмещены несколько различных плоскостей (горы, лес, река, небо; подчеркнуты широта и необъятность уральского простора) – таким образом достигается эффект полного представления об окружающем ландшафте, о месте происходящих событий. В пейзажных зарисовках рассказов периода «первого» дебюта нет конкретных географических координат: Мамин создаёт условные образы уральского леса, гор, реки, но внимание читателя всегда акцентируется на том, что автор описывает картины именно уральской природы, поэтому так важна фраза, с которой начинаются почти все произведения 1875–1877 гг.: «Мы в горах Урала».

В жизнь природы вписана трудовая деятельность людей. В произведениях периода «безымянного» творчества условно обозначено пространство субъектов-деятелей: завод, заводской посёлок, рудник. Читатель узнаёт о прошлом и настоящем Урала, о быте и укладе жизни тружеников, социальных проблемах пореформенной поры.

Д. Н. Мамин-Сибиряк внимательно относился к истории Урала. В рассказе периода «первого» дебюта «Красная шапка» мы встречаем нетипичную для литературного повествования историческую справку о том, как постепенно складывалось уральское горнозаводское население, специфическую часть которого составляли раскольники. В этом авторском отступлении намечено смещение в характере повествования: от изображения Урала как экзотического уголка (с использованием литературных традиций устного народного творчества, романтизма, детективного жанра, натурализма) к изображению действительной оригинальности родного края – его исторической и географической самобытности.

В ранних произведениях «Старик», «В горах», «Красная шапка» автор раскрывает условия труда уральских тружеников. Так, в рассказе «Старик»,

описывая технологический процесс добыwania золота на руднике Талой, историю жизни Кузьмы и его семьи, писатель фиксирует общую проблему социального неравенства, актуальную для освобожденных в пореформенное время рабочих. Вместе с тем писателю важно подчеркнуть сращённость старого мастерового с земными недрами: «Здесь бессознательно невольно высказывалось у Кузьмы родительское чувство по отношению к руднику... Да, этот рудник был родное детище Кузьмы, только чужие руки гладили теперь это детище, а Кузьма любовался издали...» (I, 258). Рудник для героя – плод труда и личной находки; это и есть коренное уральское: подземелье, рудник – детище человека, который здесь что-то нашёл. Не земля крестьянина, а рудник мастера-рудознатца.

Стиль повествования об Урале и его жителях, найденный в рассказе о Кузьме, продолжается затем в произведениях 1881–1882 гг. В них облик родного края лишается литературной условности и нередкого экзотизма, свойственного более ранним текстам. Писатель изображает природное пространство с позиции исследователя, историка и естествоиспытателя, изучающего его. Горно-лесные пейзажи, созданные Маминим в этот период, наделены географической конкретностью, особое место в пространстве художественных произведений занимают характерные для Урала топосы: река Чусовая, Уральские горы, наделённые семантикой границы. В путевых очерках «На Чусовой» и «В камнях» природное и человеческое составляют единое целое. Например, в очерке «В камнях» писатель, используя сравнения из жизни человека, раскрывает характер лесных пород на Урале, дающих первичное представление о высотной поясности в Уральских горах и суровых климатических условиях региона. Формы скал напоминают рассказчику очертания дворцов, башен, стен. Писателю удаётся передать географические особенности русла реки Чусовой, обрамлённой опасными для сплавщиков скалами-бойцами. Создавая реалистические описания уральского ландшафта, писатель подчеркивает мысль о том, что природа Урала, дикая и первозданная, –

неисчерпаемый источник прекрасного, выраженного в поэтических переживаниях героя-рассказчика и в народном мифопоэтическом сознании, в котором укоренилось благоговейное отношение к родному краю, слышится «отзвук идеала, мера полноты жизни не только самой природы, но и человечества»²².

Однако Урал для Мамина – край промышленный. В произведениях 1881–1882 гг. писатель, выступая в роли социолога, исследует актуальные для того времени внутренние противоречия горнозаводского посёлка, уездного города, деревни пореформенной поры. Важными координатами уральского горнозаводского мира являются река, уральские горы, завод, а его составляющими – разнообразный рабочий люд, раскольники. Центральным топом горнозаводского ландшафта выступает завод. В очерке «Сёстры» человек, оказавшийся на территории фабрики, словно спускается в подземный мир (подтверждается мысль В. В. Абашева о «теллурическом коде», важном в теме Урала для Мамина и последующих писателей). Заводское пространство подавляет героя-рассказчика своим первобытным хаосом: для человека извне заводское пространство – ад, в котором люди обречены на вечные муки. Автор создаёт модель мироустройства, ориентированная по вертикали: «верх» отождествляется с «простором», «свободой», «низ» – с «теснотой», «несвободой». Герой-рассказчик уподобляет фабричных рабочих гномам, обречённым на каторжную работу в подземном царстве. Здесь открывается общеуральская мифология, поскольку гномы сродни чуди в мифах коми, согласно которым чудь «как “другой” народ – это “перволюди”, *родившиеся из земли*, они описываются как “мелкий народ” – маленького роста, жившие “в маленьких домах”»²³. Это метафорическое сравнение в очерке не случайно: согласно словарю С. И. Ожегова, гном – «безобразный, обычно бородатый

²² Дергачёв И. А. Пейзаж Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Модификации художественных форм в литературном процессе : Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник. Свердловск, 1989. С. 53.

²³ Созина Е. К. Этноландшафт в произведениях писателя коми К. Ф. Жакова // «Мультикультурализм» в современном художественном мышлении. Сб. статей : в 2 ч. Ч. 2. Тюмень, 2007. С. 171.

карлик, охраняющий подземные сокровища»¹⁹. Не случайно упоминание в тексте низенького старичка-караульщика, который встречает героя у входа в здание фабрики. В мировой мифологии тот, кто был причастен к рождению металла, кузнец, всемогущий мастер, «был связан со стихиями земли и огня, небесного и подземного ... со всеми тремя мирами, и часто выступал посредником между ними»²⁰. В недрах фабрики есть нечто глубинное, колдовское, непостижимое, вызывающее мистический ужас у человека со стороны. Но для уральских мастеровых, способных ловко, как игрушку, подхватывать на лету двенадцатипудовую раскалённую полосу железа, адский заводской труд является делом привычным, обыденным, а пространство фабрики становится «своим», обжитым, освоенным. Уральский труженик неотделим от той земли, на которой он трудится, он является частью её, он посвящён в глубинные её тайны. В образе фабрики реализуется геопозитический образ Урала с его земными недрами и непостижимой энергетикой места.

Д. Н. Мамин-Сибиряк не только исследует социальные противоречия современной ему эпохи, но и стремится раскрыть особый «уральский способ жить». По мнению М. П. Никулиной, завод в изображении писателя – «не способ наживать деньги, а место, где встречаются и объединяются энергия Земли и энергия человека, а ответственность перед заводами – одновременно ответственность перед Землёй и человеческим родом: предками и потомками... В самом прямом смысле слова здесь (*на Урале*) жили в заводе, работали в горе, самоцветы мерили пудами»²¹. Не случайно на гербе Екатеринбурга изображена горнозаводская символика: рудничный колодец и плавильная печь.

Уже в раннем творчестве писатель утверждает мысль о том, что характер, профессия и мировоззрение его героев во многом определены местом. Создавая типы людей разных сословий, профессий, этнических групп,

¹⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 124.

²⁰ Никулина М. П. Камень. Гора. Пещера. Екатеринбург, 2002. С. 78.

²¹ Там же. С. 81–82.

писатель раскрывает особенности культурно-исторического ландшафта Урала, утверждает «идею богатого духовного потенциала здешнего населения, который таился прежде всего в характерах уральцев»¹⁸. В произведениях периода «второго» дебюта он создаёт ряд незаурядных характеров: смелых, отважных, решительных сплавщиков в очерках «На Чусовой», «В камнях»; вольнолюбивого «разбойника» Савки в очерке «Варваринский скит»; мечтателей-интеллигентов, стремящихся облегчить тяжёлую участь уральских рабочих, в очерке «Сёстры»; незаурядный образ женщины с твёрдым характером – в незавершённом романе «Омут». Судьбы разных по происхождению и социальному статусу героев писатель включает в общий «поток жизни», создавая объёмную картину действительности пореформенной жизни региона.

Ранние произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка стали для русской культуры открытием Урала, представленного в творчестве писателя как некий феномен, требующий художественного познания и осмысления.

Во второй главе «Пространственные образы в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка 1875-1877 гг.» на материале произведений 1875–1877 гг. исследуются пространственные образы и пространственные оппозиции, которые станут значимыми в последующем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Особое внимание уделяется выявлению общелитературных традиций (романтические, фольклорные, реалистические и натуралистические) в создании художественного образа Урала, обращение к которым было свойственно для данного периода творчества начинающего писателя.

Главные герои его произведений 1875–1877-х гг. – вольные люди, способные на глубокие чувства, они стремятся к свободе и любви, не желают подчиняться обстоятельствам (Фёдор и Груня в «Старцах», Лазарь Гвоздев в «Старике», Кирило в «Красной шапке», раскольница Матрёна в «Тайнах зелёного леса» и др.). Поиск идеала свободы часто приводит их к конфликту с обществом. В целом это как раз согласуется с романтической тенденцией,

¹⁸ Щенников Г. К. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка. Художественный образ Урала // Уральская литература конца XVIII–XIX века : Уч. пособие. Екатеринбург, 2006. С. 147.

хотя и относить Мамина целиком к романтизму, который в конце века имел уже очевидно вторичный характер, вряд ли целесообразно.

Географическое пространство (т. е. пространство географических названий и ландшафтное пространство), соответствующее основному времени повествования, в рассказах раннего Мамина-Сибиряка ограничивает и локализует действие на Урале, само по себе оно выполняет здесь подчинённую функцию, помогает раскрыть этнографический облик жизни уральцев и их миропонимание. В соответствии с романтическими традициями в рассказах 1875–1877 гг. открытому природному пространству противопоставлено закрытое и сжатое пространство дома, скита, горнозаводского посёлка, обладающее признаками несвободы, отсутствия творческого начала. Главные герои произведений начинающего Мамина являются всегда порождением «своего» пространства, поэтому при «переходе» персонажей на другую территорию возникают неразрешимые конфликтные ситуации, вызванные несоответствием «родного» и «чужого» топосов, отличающихся друг от друга определёнными стереотипами взаимоотношений, пространственными координатами и функциями природных реалий. В основе художественного мира рассказа «Старцы» лежит романтическое противопоставление действительности и мечты, «того, что есть, и того, что возможно»¹⁴. Используя хронотоп пути, автор перемещает главных героев из одного пространства в другое (селение, дом Груни, раскольничьи скиты). Главные герои рассказа Фёдор и Груня убегают из заводского посёлка в скит в надежде обрести счастье. Художественное пространство в повествовании распадается на «своё» и «чужое». «Своё» – это дом, родное селение, пространство, освоенное героями. «Чужое» – это остальной мир: уральские просторы, лес, раскольничьи скиты. Мир, «чужой» для главных героев рассказа «Старцы», должен стать «своим». Но атмосфера раскольничьего скита противоречит их стремлениям к счастливой и свободной жизни:

¹⁴ Маймин Е. А. О русском романтизме. М., 1975. С. 6.

здесь живут по раз и навсегда заведённому порядку, здесь нет места искренним чувствам.

В «Старцах» особое внимание уделяется изображению скита. Многие ранние рассказы Мамина-Сибиряка так или иначе связаны с темой раскола, с образами староверов, которых так много было на Урале. Он говорит о них даже тогда, когда упоминание о религии не играет роли в сюжете произведения. Вспомним, например, рассказ «В горах»: повествуя об Окине и его приемышах, Мамин-Сибиряк отмечает, что все они – раскольники, хотя эта деталь не несет в себе смысловой нагрузки. Такой интерес к этой большой группе населения, к их укладу и быту характерен не только для Мамина, но и для многих русских писателей XIX века. Тема старообрядчества была обозначена ещё в творчестве И. И. Лажечникова (роман «Последний Новик», 1831–1833) и М. Н. Загоскина (роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», 1831). Писатель второй половины XIX в. П. И. Мельников-Печерский в дилогии «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1881) раскрыл кризис духовной жизни русских старообрядцев. Н. С. Лесковым в «Соборях» (1872) обозначена основная проблема старообрядчества в русле общенациональной российской жизни: в понимании писателя раскол – явление глубоко драматичное, приведшее русское общество к бездуховности и безверию. В повести Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» преследования властей толкают старообрядцев на преступление, на кражу, хотя сами они – люди вполне нравственные. Старообрядческая тематика в 1860–70-е гг. становится одной из важных тем в русской художественной литературе и публицистике (статьи П. И. Мельникова-Печерского, И. С. Аксакова и др.).

Интерес Д. Н. Мамина-Сибиряка к раскольничьей среде отчасти можно объяснить «родовой памятью». Его отец, Наркис Матвеевич Мамин, будучи православным священником, весьма терпимо и внимательно относился к кержакам. Население поселка Висим (немногим более 2 тыс. человек), где Д. Н. Мамин-Сибиряк появился на свет, было достаточно разношерстно: это и

коренные жители Урала, и вывезенные Демидовыми крестьяне – туляки и черниговцы, а также раскольники-староверы. Наблюдая их и с детства интересуясь бытом, укладом, верой кержаков, писатель познавал особенности уральской жизни. Впоследствии, создавая «уральские летописи», Мамин-Сибиряк не мог обойти в своих произведениях тему раскола, столь характерную для края, где он жил.

Таким образом, зная жизнь раскольников не понаслышке, Д. Н. Мамин охотно обращался к этой теме в своих произведениях. Замечательна точность писателя в описании характеров староверов, их жизни, верований, быта, уклада. Так, в рассказе «Старцы» описан раскольниковый скит, находящийся «на самом дне глубокого лога, около ключа, не замерзающего зимой», где «выстроены были три кельи под одной крышей» (I, 232), кельи – душевные, низкие, в углу – «чёрные образа, перед которыми горела небольшая лампадка» (I, 234). Этот рассказ привлекает внимание читателя напряженным уголовным сюжетом и экзотикой уральского раскольникового быта. Как и П. И. Мельников-Печерский в ранних рассказах «Поярков» (1867) и «Гриша» (1861), уральский писатель утрированно показывает мир старообрядчества, подчёркивая негативные стороны вполне конкретного уклада жизни. С нескрываемой иронией пишет он о мнимом благочестии раскольников, спасение души которых сводится только лишь к соблюдению внешних форм. Мнимое благолепие и аскетизм старцев оборачивается трагедией: после исчезновения Федора Акила склоняет к сожительству Груню, и она погибает от рук старца Варнавы.

В рассказе писатель выстраивает несколько пространственных оппозиций, которые связаны со скитом и организуются вокруг него как центральной точки художественного пространства: *скит – дом, скит – лес, скит – монастырь* и даже *скит – острог*. Практически во всех случаях, исключая, пожалуй, только последнее противопоставление, все остальное гораздо предпочтительнее, чем скит. *Лес* – это радость, весна, жизнь, веселье, свобода. *Скит* –

каноны, устав, несвобода, покой, тоска. Описание весны в лесу и связанного с ней пробуждения природы, с одной стороны, и описание тоскливой, упорядоченной жизни в скиту, с другой, на протяжении всего рассказа вырастает до уровня символических, обобщающих оппозиций: «жизнь – покой», «радость – тоска», «скучно – весело», «запреты – ликование от сладостных ощущений». Пейзаж в рассказе дает образ простора, не имеющего границ, знаками которого являются горы, устремлённые ввысь («дико прекрасная панорама Уральских гор», «необъятная высь голубого неба» (I, 229), «тёмный зелёно-густой сибирский лес» (I, 231), «первые лучи утренней зари» (I, 237), весеннее обновление природы, зимняя красота леса. Представление главного героя рассказа Фёдора о жизни в ином пространстве (лес, раскольничьи скиты) сопряжено с мечтами о раздолье, веселье, достатке, «малине – не житье». Но пространство сужается в точечном локусе раскольничьего скита, который представляет собой замкнутую пространственную модель, приметам которой являются маленькие кельи, чёрные образа, небольшая лампада. Поведение человека в данном пространстве находится в зависимости от этических норм и старообрядческих традиций, которые не избавляют его от слабостей и низменных страстей. Время в скитской жизни ахронно, повседневная скитская жизнь представляет собой цепь повторяющихся изо дня в день событий.

По-другому интересна в рассказе «Старцы» оппозиция *скит* – *монастырь*. В традиционном представлении монастырь – место, где находятся люди, решившие посвятить себя служению Богу и готовые ради этого отрешиться от земных благ. Но, в сравнении со скитом, монастырь – это воля. Описывая жизнь в монастыре, Мамин-Сибиряк неслучайно использует корень **-вол-** : «...в стенах одного монастыря. Вспомнилась сытая *привольная* жизнь, прерываемая пением псалмов и духовных песен» (I, 233). В оппозиции «скит – монастырь» последний – отнюдь не безрадостная обитель, а место, где вдоволь едят (*сытая жизнь*), пьют (*в голове шумело*), общаются и прелюбодествуют (*кума на Тиховной улице*), дерутся («завязалась драка... Паренек

через четверть часа лежал с проколотым брюхом») (I, 233). И лишь в сравнении с острогом скит предпочтительнее. Впервые мы встречаем слово с корнем *-вол-* в описании жизни скита именно в оппозиции «скит – острог»: «Острогу Акила предпочел скит, тем более, что ел он здесь постоянно *волю*, спал до одурения, а в остальное время шатался из одного угла в другой в смертельной тоске от полного бездействия» (I, 233).

Парадоксально представлена в рассказе пространственная оппозиция *скит – дом*. Обычно дом – это родное, обжитое пространство. В рассказе же реализуется образ дома как консервативного, не терпящего инакомыслия, строго и даже сурово подчиняющегося давно установленным законам. В целом художественное пространство рассказа создаётся совмещением изображения открытого географического пространства (природа Урала), закрытого точечного пространства (дом, раскольничий скит) и, в данном случае, замкнутого внутреннего пространства героини (душевные переживания Груни).

В рассказах «Тайны зелёного леса» (1877) и «Варваринский скит» (1881) писатель отходит от устоявшихся в русской литературе шаблонов изображения старообрядчества, которым некогда следовал и сам: теперь он стремится найти в старообрядческой среде положительные черты.

В рассказах «Старик» и «В горах» писатель обозначил значимый в последующем творчестве тип литературно-художественной модели пространства – социальное пространство, исследование специфики которого станет наиболее значимым в период «второго дебюта». Так, в рассказе «Старик» географическое пространство Урала совмещено с изображением социального замкнутого пространства субъектов-деятелей. Оно поделено на мельчайшие, изолированные территории: рудник Талой, контора, заводской посёлок, дом Кузьмы. Рудник Талой в изображении писателя – средоточие социальных противоречий. Основой социальных отношений являются несправедливость, бесправие людей труда. В рассказе «В горах» (1876) также изображено социальное пространство субъектов-деятелей: фабрика, заводской посёлок, вписанные в его

пределы дом честного труженика Окини и изба Алёны Филимоновны, молодой вдовы. Лексемы и локусы отражают развитие чувств героев, их конфликт со средой. Они становятся жертвами этических норм поселковой среды, не признающей права на искренние чувства.

Читая роман «В водовороте страстей», рассказы «Красная шапка», «Старик», «В горах», читатель получал первичное представление о социальном укладе жизни жителей Урала. Приметы горнозаводского ландшафта даны вполне конкретно: в центре посёлка – завод, заводской пруд, окружённый домами местных жителей. Кругом завода – прекрасная панорама Уральских гор. В описании завода нередко появляется колорит сказочности, фантастичности, нереальности. Так, в романе «В водовороте страстей» клубы чёрного дыма Медного завода застилают «безупречно-синее небо какой-то грязной пеленой, окрашиваемой закатившимся солнцем, каким-то багрово-красным оттенком» (I, 173), в рассказе «В горах» фабрика «представлялась каким-то чудовищем, у которого, как в сказках говорится, из ноздрей пламя пышет, а из ушей дым валит столбом» (I, 305). Писателю важно раскрыть внутренний уклад жизни горнозаводского люда, сложившийся в условиях социального неравенства, безразличного отношения «хозяев жизни» к родному краю, к участи заводских тружеников.

Само пространство художественного мира ранних рассказов Мамина 1875–1877 гг. писателя чаще всего выстраивается в магистрали пути, наделённого значением жизни и судьбы, причём преобладает не вертикальная, а горизонтальная модель: развитие конфликта в большинстве произведений этого периода связано с переходом главных героев из одного пространства в другое, даже если этот переход в итоге не может состояться. В рассказах первого дебюта движение героев, обусловленное поисками идеала свободы и счастья, связано прежде всего с освоением «чужого» пространства.

В третьей главе «Природные и социокультурные топосы в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка 1881–1882 гг.» исходными объектами

исследования являются не локальные пространственные образы, а образы уровня *типов*, нашедшие художественное воплощение в раннем творчестве писателя: река Чусовая, образ Дома, провинциальное пространство (заводской посёлок, уездный город, деревня), которые в своей целостности образуют уральский топос и составляют своеобразную типологию пространства в мире произведений Мамина-Сибиряка.

В первом разделе третьей главы исследуется содержание образа реки Чусовой как особого этнокультурного пространства в контексте повести Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» и произведений К. Буслова, Е. Фёдорова, А. Иванова, шире – в контексте жизни Урала. Чусовая играла очень важную роль в экономике Среднего Урала, и поэтому закономерно, что Д. Н. Мамин-Сибиряк посвятил ей ряд своих произведений: очерки «Русалки», «В камнях», «На Чусовой», «Бойцы». В их основе – личные впечатления автора, несколько раз сплавлявшегося вместе с бурлаками в период с 1868 по 1870 год. Впервые в творчестве Мамина-Сибиряка Чусовая является не только местом действия, не только фоном, на котором разворачиваются события человеческой жизни, а некоей силой, которая или взаимодействует с человеком, или активно противодействует ему. Она формирует человеческую душу, создаёт определённый тип характера – тот, что принято называть уральским. Те, кто вырос близ реки, ощущают своё с ней родство, в их понимании Чусовая – матушка-кормилица, символ вечного движения и жизни, очищения и освобождения.

Своеобразие образа реки Чусовой в раннем творчестве Мамина – в объединении архаических контуров мира реки и мифопоэтического её видения с историческим и социальным контекстом жизни людей современной автору эпохи.

Во втором разделе третьей главы рассматривается пространственно-бытийная структура художественного образа дома, его устоев, уклада, устройства как одного из наиболее значимых пространственных образов ранней прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка. В романе «Омут» писателем раскрывается не

только внутренний уклад жизни обитателей Дома, но и особенности мироощущения персонажей, их жизненная философия. Особое место в ряду произведений «второго дебюта» (1881–1882 гг.) занимает повесть «На рубеже Азии» – автобиографическое произведение, где рассказчик осмысливает достаточно серьезный этап в истории своей семьи, связанный с переездом, обустройством быта, а потом и с началом самостоятельной жизни героя. Важно отметить, что в литературе второй половины XIX в. русскими писателями был создан ряд автобиографических произведений, посвящённых теме детства. Среди них «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858) С. Т. Аксакова, «Детство. Отрочество. Юность» (1852–1854) Л. Н. Толстого, «Пошехонская старина» (1887–1889) М. Е. Салтыкова-Щедрина. Повествование в них, как правило, ведётся от лица взрослого человека, с высоты прожитых лет вспоминающего наиболее важные моменты своего становления, но переживающего их и с позиции детского восприятия; герой-рассказчик в произведении всегда акцентирует читательское внимание на наиболее значимых этапах на пути взросления юного героя. В каждом произведении по-своему воссоздаётся неповторимый мир детства, показанный глазами ребёнка, одним из наиболее значимых пространственных образов которого, как и в очерках Д. Н. Мамина-Сибиряка «На рубеже Азии», является традиционный хронотоп «отчего дома». Произведение уральского писателя показывает, что систему ценностей, мораль, эстетику – все это вполне можно передать через «вещный ряд», через устойчивые образы пространственного мира, закреплённые в нашем сознании. А значит, традиционное отнесение уральского автора к разряду простых «бытописателей» следует подвергнуть сомнению: уже в раннем творчестве Мамина мы наблюдаем своего рода «одухотворение» бытовой среды, наполнение ее духовным содержанием, которое дает проживание человеком всем сердцем и чувствами опыта своей детской и юношеской жизни. Это новое проживание уральской родины писатель и представляет нам в автобиографической повести «На рубеже Азии».

Образ дома является одним из константных художественных образов и мифологем всего творчества Мамина. Он дает ощущение пристанища, крова, родового гнезда, что позднее писатель отразит в своём романном творчестве.

В третьем разделе третьей главы исследуется специфика разных типов провинциального пространства в ранних очерках писателя: это горнозаводской посёлок («Сёстры», «На рубеже Азии», «Варваринский скит»), уездный город, деревня, село («Все мы хлеб едим»).

В художественной литературе второй половины XIX века провинциальное пространство локализовано в образах русской усадьбы и деревни (идеальное пространство «дворянского гнезда» в романах И. С. Тургенева, «сонное» царство Обломовки в романе И. А. Гончарова «Обломов», «ужасная подкладка» жизни помещицкой усадьбы, изображённая М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Пошехонской старине»); провинциального города (сатирические произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. И. Успенского, драмы А. Н. Островского), рабочего города и посёлка в уральской литературе (горнозаводская трилогия Ф. М. Решетникова и романы Д. Н. Мамина-Сибиряка). Таким образом, можно утверждать, что русская провинция стала одним из важных объектов художественного исследования писателей XIX века.

Следуя литературной традиции, начинающий Д. Н. Мамин-Сибиряк в ранних произведениях стремится раскрыть неоднозначный, противоречивый характер русской провинции: с одной стороны, в изображении писателя это ограниченный захолустный мир, способный погубить всё лучшее в человеке (яркие примеры – судьба Мухомедова в «Сёстрах», образ «капитана от артиллерии» в очерке «Все мы хлеб едим» и пр.); с другой – это родной и близкий писателю уголок земли, покоряющий читателя красотой природных ландшафтов, душевной глубиной простых людей-тружеников, её населяющих, способных противостоять бездушию и жестокости провинциальных нравов (таковы, например, Луковна и Меркулыч в повести «На рубеже Азии», Гаврила Степанович и Александра Васильевна в очерке «Сёстры»).

В изображении Д. Н. Мамина-Сибиряка Урал – особый край, живущий своей обособленной жизнью и никак не сводимый только лишь к «провинции» как антитезе якобы прогрессивно развивающемуся центру. Образ уральской глубинки в творчестве писателя противоречив: провинциальное пространство как замкнутый, консервативный и ограниченный мир способен погубить всё самое лучшее в человеке, низвести его на уровень социального дна. Но именно в недрах русской провинции рождаются новые люди, новые идеи, позволяющие увидеть ростки светлого в будущем. Д. Н. Мамин-Сибиряк в раннем творчестве выступает как писатель-гуманист: раскрывая негативные черты провинциального мироустройства, он утверждает в своих произведениях мысль о том, что в любое время, в любом социальном пространстве человеку важно сохранить человеческие начала.

В заключении диссертации приводятся основные выводы, отражающие результаты исследования, намечаются возможные пути дальнейшей исследовательской деятельности при изучении пространственной типологии в литературном произведении.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях :

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определённых ВАК РФ:

1. Кунгурцева, Н. А. Этнокультурный образ реки Чусовой [Текст] / Н. А. Кунгурцева // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № (3) 65: Гуманитарные науки. – Сер. 5. – С. 137–143.
2. Кунгурцева, Н. А. Пространственно-бытийная структура образа Дома в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка [Текст] / Н. А. Кунгурцева // Филология и человек : научный журнал. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2009. – № 3. – С. 168–174.

II. Другие публикации:

3. Кунгурцева, Н. А. Тип героини в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка [Текст] / Н. А. Кунгурцева // Дергачевские чтения – 2004 : русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунаро. науч. конф. 2–3 октября 2004 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 57–62.
4. Кунгурцева, Н. А. Репрезентация художественного пространства в ранних произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка («Варваринский скит», «На Чусовой», «В камнях») [Текст] / Н. А. Кунгурцева // Литература Урала: история и современность : проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции : материалы Всероссийской науч. конф. 5–7 окт. 2006 г. – Екатеринбург : Издат. дом «Союз писателей», 2006. – Вып. 2. – С. 267–274.

5. Кунгурцева, Н. А. Специфика художественного пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (1876–1877) [Текст] / Н. А. Кунгурцева // Дергачевские чтения – 2006 : русская литература: национальное развитие и региональные особенности : Материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Издат. дом «Союз писателей», 2007. – С. 144–149.
6. Кунгурцева, Н. А. Река Чусовая в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка [Текст] / Н. А. Кунгурцева // Литература Урала: история и современность : автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты). – Екатеринбург, 2007. – Вып. 3. – С. 250–258.
7. Кунгурцева, Н. А. Художественный образ Дома в очерке Д. Н. Мамина-Сибиряка «На рубеже Азии» [Текст] / Н. А. Кунгурцева // Литература Урала: история и современность: локальные тексты и типы региональных нарративов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 156–160.